8. Семенова, Н. В. Нарратологический анализ рассказа А. П. Чехова «Учитель словесности» / Н. В. Семенова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2023. – № 3 (78). – С. 182–188.

9. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 томах. Письма. В 12 томах. Том 2. / А. П. Чехов. – Москва : Наука, 1975. – 582 с.

10. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 томах. Письма. В 12 томах. Том 3. – Москва : Наука, 1975. – 622 с.

11. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 томах. Том 10. – Москва : Наука, 1977. – 528 с.

Червяков Данила Алексеевич
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Козубовская Галина Петровна,
доктор филологических наук, профессор

А.С. ПУШКИН В МЕДИАФОРМАТЕ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматривается один из мотивных комплексов романа, связанный с транспортными средствами, и предлагаются варианты его визуализации в рамках виртуальной реальности. Предложенные схемы – один из путей прочтения романа Пушкина как многомерного и объемного целого.
Ключевые слова: А. С. Пушкин, роман «Евгений Онегин», медиаформат, виртуальная реальность.

Chervyakov D. A.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. This article examines one of the novel's thematic motifs—that of transport—and proposes ways of visualising it within the context of virtual reality. The proposed approaches offer a way of interpreting Pushkin's novel as a multidimensional and comprehensive whole.
Keywords: A.S. Pushkin, the novel «Eugene Onegin», media format, virtual reality.

A. S. PUSHKIN IN MEDIA FORMAT: CONTENT AND FUNCTIONAL ASPECTS

Актуальность работы определяется востребованностью осмысления романа А. С. Пушкина «Евгения Онегин» как виртуального мира и возможностью использования медиаформ в культурном пространстве. Объект исследования – Пушкин в медиаформатах в современной культуре. Предмет исследования – медиаформы по роману Пушкина «Евгений Онегин». Цель – исследование возможных медиаформатов по роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Новизна заключается в формировании цифровой среды романа «Евгений Онегин», что позволит рассматривать роман как многомерное и объемное целое.

Феномен игры издавна привлекал внимание философов, социологов, психологов, этнографов, биологов, педагогов, культурологов. Платон говорил об игривом космосе, И. Кант – об эстетичности «состоянии игры». Й. Хейзинга сформулировал игровую концепцию культуры. Начало разработки общей теории игры связано с работами Ф. Шиллера и Г. Спенсера. Игра в центре внимания Ф. Ницше, Э. Берна [13]. Феномен игры в культуре – предмет изучения культурологов, игра изучается в теории управления и в др. науках, в том числе и в образовании (появился термин – игропедагогика [14]).

Следует отметить, «Пушкинский текст в медиасреде» – учебно-методическое пособие, содержащее методические рекомендации по интеграции цифровых технологий,

мультимедийных материалов и интернет-ресурсов в процесс изучения произведений поэта. В пособие включены планы уроков с использованием медиаресурсов, задания для творческого осмысления произведений и ссылки на онлайн-ресурсы, посвящённые жизни и творчеству Пушкина.

Традиционно в медиаресурсах большей частью интерес вызывают *биографический* пласт (пушкинская биография), *исполнительский* (представлены варианты исполнения пушкинской лирики с использованием видеоряда и в сопровождении музыки и т.д.).

Медиаресурсы базируются на игровых принципах. Логично использовать игровые принципы в медиаресурах по роману «Евгений Онегин». Как указывает Г. П. Козубовская, «Игра для Пушкина – промежуточное звено между творчеством и жизнью: о склонности Пушкина к розыгрышу писали его современники; это же качество обнаруживают письма поэта, в которых адресованное слово в своей диалогичности реализует авторскую артистичность; литературные мистификации Пушкина в прозе и критике – проявление того же артистизма» [4, с. 64]. Игровая поэтика Пушкина выражается на разных уровнях структуры романа «Евгений Онегин».

Обратимся к блоку «Транспортные средства в романе», не столь часто привлекавшему внимание исследователей.

Средства передвижения в романе входят в большой мотивный комплекс дороги, который в свою очередь формируется вокруг оппозиции живое/мертвое.

Предложенный нами многоуровневый комментарий охватывает следующие уровни осмысления романа.

1. Расшифровка упоминаемых понятий, связанных с обозначением средств передвижения.
2. Толкование «конных» эпизодов.
3. Анализ игровой поэтики Пушкина, учитывающий растущий смысл символики.

Транспортные средства Онегина, указанные в городских/столичных и деревенских главах, отличаются друг от друга. Ю. М. Лотман в своем комментарии почти не останавливается на некоторых понятиях из области быта, отбирая лишь те, которые «работают» на концепцию романа [6]. В реконструкции смыслов могут быть использованы другие источники, в том числе, Ю. Федосюк [15], В. Набоков [8] и др. Так, строчки «Летя в пыли *на почтовых*…» [11, с. 9], «Евгений тотчас на свиданье / Стремглав *по почте* поскакал» [11. с. 31] получают объяснение у Ю. Федосюка [15], дающего и историю транспорта, и этимологию, а Словарь Михельсона еще и присовокупляет цитату из ранней поэзии [7], что это был самый быстрый способ передвижения, вызванный, на наш взгляд, обстоятельствами. Заметим, что «летящий ритм» обычен в онегинской жизни, что задано эпиграфом (см.: «…куда стремглав в ямской карете / уж мой Онегин поскакал» [11, с. 21]).

Неоднозначный смысл «дрожек» обозначает разнообразные перспективы онегинского бытия. С одной стороны, дрожки, уносящие столичных красавиц с ночного бала (И вы, красотки молодые, / Которых позднею порой / Уносят *дрожки у*далые По петербургской мостовой» [11, с. 27], Все было тихо; лишь ночные/ Перекликались часовые,/ Да *дрожек* отдаленный стук/ С Мильонной раздавался вдруг» [11, с. 30]. Дрожки также получают подробное объяснение у Федосюка [15]. На наш взгляд, дрожки вызывают в памяти архетипические сюжеты похищения, отсылая к «книжному», «балладному», «сказочному», включаясь в романтическое видение Автора и Онегина, погруженных в столичную жизнь. С другой стороны, «домашни дроги», упоминаемые в деревенской жизни Онегина (гл. 2), обретают негативный смысл знака нежелательного общения (в обоих случаях «срабатывает» акустический эффект), что сопровождает бегство Онегина с заднего крыльца: «Обыкновенно подавали / Ему донского жеребца – с заднего крыльца…» [11, с. 38]. Оригинальна трактовка А. Польского: «Это чтоб никто не мог догнать и предложить дочку в невесты…» [10]. При этом есть оговорка: «Ездить на донской лошади, особенно на жеребце, мог только смелый и опытный, уверенно держащийся в седле всадник». Неожиданно и образ большой дороги обретает «ироничный» смысл: Онегин, ускользающий от гостей, прибывших с большой дороги, сам в сне Татьяны окажется

разбойником с большой дороги.

Переклички персонажей – Онегина и Ленского – прослеживаются в связи с транспортными средствами. Так, появление Ленского в деревне подано с легка заметной иронией («… помещик новый *прискакал*» [11, с. 38]) как контраст традиционному романтическому сюжетному ходу. Дружба Онегина с Ленским получает выражение в совместном времяпровождении на природе («съезжались каждый день *верхом*» [11, с. 42]), причем, если для Онегина верховая езда – знак полного освобождения от груза прежней столичной жизни, чему он отдается сполна, то для Ленского, вернувшегося в родные пенаты, это и возвращение в детство, и ожидание скорого решения своей участи (…чрез две недели / назначен был счастливый срок…» [11, с. 97]). Поездка друзей к Лариным для знакомства (пушкинская лакуна в самом эпизоде оформлена графическим эквивалентом) обрамлена быстрой ездой: «*Поскакали* други, / Явились» [11, с. 56]; «Они дорогой самой краткой / Домой *летят во весь опор»* [11. с. 56]), завершившейся ссорой молодых людей. И столь же быстрой ездой отмечено решение Ленского вызвать Онегина на дуэль, в котором и порывистость молодости, и незнание жизни, и книжность, и взрывчатость...

Зеркальны «начала» и «концы» дуэли. Онегин, проспавший назначенное время, мчится, опаздывая, на «санках беговых» [11, с. 129], а с дуэли «на санях» увозят труп Ленского (обыгран балладный мотив мертвого жениха). На мотив мертвого жениха указал сам Пушкин в 8-ой главе: «Как часто, по скалам Кавказа, / Она (Муза – А.Ч.) Ленорой, при луне, / Со мной *скакала* на коне!» [11, с. 166]. В целом в сюжете Ленского «мерцают» мотивы поэзии В. А. Жуковского: прибывший в родные пенаты Ленский посещает «сельское кладбище», отдав дань памяти Ларину, а в 6-ой главе упоминается памятник уже на могиле «младого поэта», безвременно погибшего. Мотив селянина, со вздохом идущего мимо кладбища, обыгран у Пушкина с замещением персонажа: «И горожанка молодая, / В деревне лето провождая, / Когда *стремглав верхом* она / Несется по полям одна, / Коня пред ним остановляет, / Ремянный повод натянув, / И, флер от шляпы отвернув, / Глазами беглыми читает / Простую надпись – и слеза / Туманит нежные глаза» [11, с. 136–137]. Важен момент остановленного коня перед могилой и слезы горожанки. Барский считает, что образ горожанки «переходный» и композиционный узел, один из структурообразующих факторов романа, отмечающий переход от деревни к городу и сюжетный сдвиг [1].

О любви Пушкина к коням неоднократно писали, об этом говорят многочисленные рисунки поэта [3]. У Гончаровых был конный завод. В предсказании гадалки судьбы Пушкина и его смерти фигурирует белый человек на белой лошади.

С конем связаны метафорические смыслы в романе.

Реальный план		Символический		
Конь	→	Бразды	→	борозда
↘	↘	↘		Узда
Всадник	Упряжка			

Кони упоминаются в «Отрывках из путешествия Онегина», где описано одесское наводнение: «И в *дрожках* вол, рога склоня, / Сменяет хилого *коня*» [11, с. 205], и в зимних зарисовках 5-ой главы («Бразды пушистые взрывая, / Летит *кибитка* удалая …» [11, с. 99–100]. Разные по тональности зарисовки скреплены метафорой во 2-ой главе, где мотив дороги обретает смысл «дороги жизни»: «Увы! на *жизненных браздах* / Мгновенной жатвой поколенья, / По тайной воле провиденья, / Восходят, зреют и падут; / Другие им вослед идут…» [11, с. 53]. Слово «бразда» происходит от старославянского языка и в своей первоначальной интерпретации обозначало линию, проведенную по земле (борозда). Другое значение слова «бразда»/ «борозда» – «узда», «поводок», часть упряжи, то надевается на голову лошади. Назначение ее – управление животным при езде. Отсюда следует значение фразеологизма «взять бразды правления в свои руки», которое следует понимать уже в переносном значении – не по отношению к лошади, а в более широком смысле. Это значит управлять чем-то или кем-то, подчинить своей воле, быть единоличным полновластным хозяином в каком-то процессе [2].

Зимний ракурс деревенской жизни («Зима!.. Крестьянин, торжествуя, / На дровнях обновляет путь» [11, с. 99]), где в соприкосновении живого и мертвого возникает либо

замедление («его лошадка, почуя, / Плетется рысью как-нибудь» [11, с. 99]), либо ускорение («Бразды пушистые взрывая, / Летит *кибитка* удалая*; /* Ямщик сидит на облучке / В тулупе, в красном кушаке» [11, с. 99–100]), помимо праздничной ипостаси, имеет и тревожную. Так, мерцает балладный ужас: «С своей волчихою голодной / Выходит на дорогу волк; / Его почуя, *конь дорожный* / Храпит – и путник осторожный / Несется в гору во весь дух» [11, с. 93]), «…*Скакать верхом* в степи суровой? Но *конь*, притупленной подковой / Неверный зацепляя лед, Того и жди, что упадет» [11, с. 94]. Контраст передвижения – крестьянской лошади (плетется) и дворянской кибитки (летит) – снят единым настроением зимнего праздника. Кроме того, две картинки сопряжены еще одной, третьей, в которой зимняя игра ребенка перерастает в метафору (мальчик-конь) – в общей динамике пришедшей зимы: «Вот бегает дворовый мальчик, В салазки жучку посадив*, Себя в коня преобразив»* [11. с. 100]. Скопление мотивов мертвого – в мерцании мотива мертвого жениха.

Заметим еще одну перекличку персонажей в 8-й главе, где Онегин, мчащийся в санях к Татьяне, «идет на мертвеца похожий» [с. 185].

Возможные варианты оформления материала:

А) лонгриды обычные по схеме: картинка + текст,

Б) с выплывающим текстом, в котором собраны разные точки зрения,

В) анимация – ожившая картинка с уносящимися дрожками и всплывающими сюжетами похищения,

Г) анимация – картинка с метаморфозой мальчика в изящно бегущего коня и т.д.

Многоуровневый комментарий обращен к поиску медиаформ, воссоздающих механизмы порождения смыслов; такие медиаформы открывают безграничные возможности визуализации концептуальных идей.

Список источников

1. Барский, О. В. Композиционная функция образа «молодой горожанки» в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина / О. В. Барский // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2015. – № 1(19). – С. 51–56.

2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. Том 1: А–З / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1978. – 699 с.

3. Егорова, Е. Н. «Следы невиданных зверей...»: мир фауны в жизни и творчестве А. С. Пушкина / Е. Н. Егорова. – Москва : Литературное объединение «Угреша» имени Ярослава Смелякова Московской областной организации Союза писателей России, 2020. – 359 с.

4. Козубовская, Г. П. Русская литература : миф и мифопоэтика / Г. П. Козубовская. – Барнаул : Издательство БГПУ, 2006. – 324 с.

5. Кремлев, А. Г. Основные понятия теории игр / А. Г. Кремлев. – Екатеринбург : Изд-во Урал.ун-та, 2016. – 144 с.

6. Лотман, Ю. М. Роман Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий / Ю. М. Лотман. – Ленинград : Просвещение, 1983. – 416 с.

7. Михельсон, А. Д. Большой толково-фразеологический словарь русского языка Михельсона : создан на основе 3-х томного издания. – Москва : Си ЭТС : Бука, 2008. – 1 электрон.опт. диск (CD-ROM).

8. Набоков, В. В. Комментарий к роману «Евгений Онегин» / В. В. Набоков. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ : Набоковский фонд, 1998. – 924 с.

9. Пендина, П. Как изобрели санки и почему они стали традиционной зимней забавой? / П. Пендина. – URL: https://www.culture.ru/s/vopros/sani/ (дата обращения: 15.04.2026).

10. Польский, А. Пушкин и донской жеребец / А. Польский. – URL: https://proza.ru/2024/11/07/954 (дата обращения: 15.04.2026).

11. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений. В 10 томах. Том 5 / А. С. Пушкин. – Москва : Издательство АН СССР, 1957. – 638 с.

12. Пушкинский текст в медиасреде. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2025. – 94 с.
13. Рекшинская, А. Я. Феномен игры в культуре: от классики до постмодерна / А. Я. Рекшинская // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2015. – С. 134–144.
14. Ушатикова, И. И. Игропедагогика / И. И. Ушатикова. – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2019. – 144 с.
15. Федосюк, Ю. А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века / Ю. А. Федосюк. –Москва : Флинта : Наука, 2000. – 263 с.

Чжу Илинь
Ланьчжоуский университет
КНР, г. Ланьчжоу
Научный руководитель: Маркина Полина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент

САКРАЛЬНАЯ СВЯЗЬ С ЗЕМЛЁЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВ КРЕСТЬЯН В РОМАНАХ «ОБЫКНОВЕННЫЙ МИР» И «ТИХИЙ ДОН»

Аннотация. В статье на основе сравнительно-исторического метода анализируются образы крестьян в романах «Обыкновенный мир» Лу Яо и «Тихий Дон» М. Шолохова. Выявляется сакральный характер связи с землёй, общие черты (трудолюбие, стойкость) и различия судеб героев, обусловленные эволюционными реформами в Китае и революционной ломкой в России.
Ключевые слова: крестьянство, сакральная связь с землёй, сравнительный анализ, «Обыкновенный мир», «Тихий Дон», Лу Яо, М. А. Шолохов.

Zhu Yilin
Lanzhou University, China, Lanzhou

Abstract. The article analyzes the images of peasants in the novels «The Ordinary World» by Lu Yao and «The Quiet Don» by Mikhail Sholokhov using the comparative-historical method. It reveals the sacred nature of the connection with the land, the common features (hard work, resilience), and the differences in the fates of the characters, which are caused by the evolutionary reforms in China and the revolutionary upheaval in Russia.
Keywords: peasantry, sacred connection with the earth, comparative analysis, «The Ordinary World», «The Quiet Don», Lu Yao, M. Sholokhov.

SACRED CONNECTION WITH THE EARTH: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE IMAGES OF PEASANTS IN THE NOVELS "ORDINARY WORLD" AND "QUIET DON"

В мировой литературе крестьянство традиционно выступает носителем глубинной связи с землёй. Эта связь приобретает сакральный характер, определяя не только хозяйственный уклад, но и систему ценностей, идентичность и судьбу человека. В данном исследовании на материале романа Лу Яо «Обыкновенный мир» и эпопеи М. Шолохова «Тихий Дон» проводится сравнительный анализ образов крестьян. Оба произведения, созданные в разных национальных и исторических контекстах, изображают переломные эпохи: китайские реформы 1970–80-х годов и революционные потрясения в России начала XX века. Цель работы – выявить, как «священная нить» с землёй формирует характеры героев, их стойкость, метания и трагедии. Используется сравнительно-исторический метод литературоведения.